

Лилия Подгайская

Проклятый замок

Лилия Подгайская

Проклятый замок

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22095981
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Начало X века. Герцогство Швабия. Наследница замка Гильдебранда неожиданно осознаёт нависшую над ней опасность. За последние полгода в замке случилось уже три смерти, и сейчас злоумышленник, она уверена, подбирается к ней. Любящий отец обращается за помощью к епископу Констанца, и тот присылает для неофициального расследования невзрачного на вид монаха. Брат Бенед умело распутывает сложный клубок, и на свет появляются жуткие страницы из истории графской семьи. И вдруг, когда дело уже раскрыто, а преступник наказан, всё начинается сначала. Гильдебранда в полном отчаянии.

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лилия Подгайская

Проклятый замок

Герцогство Швабия

Замок Альгенгерд

Весна 914 года

1

Ночь выдалась беспокойной. Злой ветер яростно трепал деревья за окном и глухо завывал на разные лады в печных трубах. Но не это разбудило Гильдебранду, а острое чувство тревоги, охватившее её вдруг. Какой-то тихий звук, совершенно непонятный ей, заставил девушку открыть глаза и насторожиться. В щели окна, завешенного козьей шкурой, пробивался лунный свет, и можно было, пусть и не слишком ясно, рассмотреть, что делается вокруг. Никого не было видно, и всё же Гильдебранду не покидало ощущение, что в комнате кто-то есть. Не человек, нет, однако постороннее присутствие чувствовалось совершенно отчётливо, и девушка замерла от страха. Она никогда не запирала на ночь дверь своей комнаты, поскольку считала, что в родном замке ей нечего опасаться. Но теперь горько пожалела об этом, тем более что в последнее время здесь стали происходить странные вещи.

Гильдебранда продолжала лежать тихонько, не шевелясь, и вся обратилась в слух. Вот снова раздался этот звук – очень тихий, какой-то шелестящий, как будто кто-то грубой мохолистой ладонью проводит по плотной шелковистой ткани. Вот снова, ещё раз, теперь уже ближе к её постели. Горло сжало от ужаса, и ни один звук не мог бы вырваться из него – она лишилась возможности даже закричать. Хотя в этой части замка она могла кричать сколько ей угодно, и никто бы

её не услышал. В этом восточном крыле старого сооружения они жили только с матерью, комната которой была рядом. Служанки ночевали в маленьких комнатuşках возле кухни. Но теперь матери за стеной не было. Полгода назад, в середине осени, её добрая любящая мать внезапно умерла. Смерть настигла графиню неожиданно, на фоне полного здоровья и благополучия, и это было страшным ударом для осиротевшей дочери и повергнутого в крайнюю печаль графа.

Замерев и почти не дыша, девушка продолжала прислушиваться. Какое-то время было совсем тихо, потом вновь раздались звуки, но теперь уже другие. Казалось, что маленький несмышлёный котёнок пытается напиться из блюдечка, захватывая воду крохотным язычком. Потом стихли и эти звуки, и в комнате установилась полная тишина. Гильдебранде, однако, от этого не стало спокойнее, наоборот, сердце забилося в груди как колокол, и ей казалось, что удары его слышны даже в коридоре. О сне не могло быть и речи. Часа через два такого напряжённого бодрствования девушке показалось, что она слышит какое-то лёгкое посвистывание из коридора, и ещё почудилось, что дверь её комнаты тихонько приоткрылась. Но теперь она не была уверена ни в чём. Страшная бессонная ночь совсем лишила её сил.

Так же тихо и неподвижно Гильдебранда пролежала до самого рассвета и осмелилась встать лишь после того, как в комнату вошла её служанка Зельда.

Голова кружилась, во рту было сухо и неприятно – это

пережитый страх оставил свои следы.

– Что-то вы совсем бледная сегодня, госпожа, если мне будет позволено это заметить, – нерешительно проговорила служанка, робко поглядывая на свою хозяйку.

Зельда стала прислуживать молодой графине лишь недели три назад и до сих пор не могла привыкнуть к своему новому положению. Прежняя служанка, которую приставила к Гильдебранде мать, была крепкой уверенной женщиной, способной защитить свою хозяйку от любой напасти, и всегда была рядом с ней, даже спала в ногах у молодой хозяйки. Но не так давно случилось несчастье, и пожилая женщина неудачно упала, поскользнувшись на обледеневшей дорожке. Упала и больше не поднялась – у неё оказалась сломанной шея.

– Я просто плохо спала этой ночью, Зельда, – постаралась успокоить пугливую служанку Гильдебранда, – ветер так страшно завывал за стенами замка.

От всего боящейся и слишком робкой служанки толку всё равно не было, а ей хотелось кинуться кому-то на грудь, расплакаться и рассказать о своих ночных страхах, которые теперь, при свете дня, показались ей детскими фантазиями, хотя оставались страшными. Но кому? Мать в могиле, отец уехал ненадолго по своим графским делам, а рядом осталась только её прежняя няня Берта, которая прислуживает сейчас в западном крыле, где расположены покои графа и старшего брата девушки, Лиуфрида, который родился очень болез-

ненным и странным ребёнком, и вовсе не мог ходить.

Гильдебранда медленно поднялась с постели, но вынуждена была ухватиться за стоящий рядом столик, чтобы не упасть, – голова кружилась всерьёз, и комната на мгновение поплыла перед её глазами. И тут взгляд её упал на чашу с молоком, которое она вчера вечером принесла себе из кухни, чтобы лучше заснуть в такую ненастную погоду, но чем-то отвлеклась и забыла его выпить. Чаша была пуста. Но как же так? Она помнила совершенно отчётливо, что не выпила молоко. Куда же оно делось? И ей стало так отчаянно страшно, что даже горло свело судорогой. Что-то непонятное происходит вокруг неё. Непонятное и страшное. И оно добирается уже до неё самой. Этой ночью оно почти коснулось её, но почему-то прошло мимо.

Молодая графиня, в отличие от своей мягкой и, пожалуй, излишне доброй матери, имела решительный характер и была достаточно сильна духом, чтобы признать этот факт. А признав его, нужно было принять решение, очень важное решение – как защитить себя от невидимой, но ощутимой угрозы. Обдумав положение, девушка решила пока никому в замке не говорить о том, что произошло этой ночью, и ни одной живой душе не открывать до поры свои подозрения, которые клубятся сейчас в голове сплошными волнами тумана, неясные, но очень страшные. Никому – кроме отца, когда он вернётся. И она станет теперь всегда закрывать свою дверь на засов на ночь. И будет очень осторожна и внимательна днём.

Приняв такое решение, Гильдебранда немного приободрилась, позволила Зельде одеть и причесать себя, а потом смело вышла из своей опочивальни навстречу новому дню.

Холодный и мрачный коридор, извивающийся несколькими поворотами, никогда раньше не казался ей страшным. Но сейчас бросались в глаза и толстые, промёрзшие за зиму холодные стены, и ледяное прикосновение каменных плит пола к ногам, и тусклый свет, проникающий сюда лишь через расположенные под самым потолком окна-бойницы. Перед каждым поворотом её сердце замирало от страха, и девушка была рада, что хотя бы трусишка Зельда идёт следом за ней, и она слышит её напряжённое дыхание. Служанкам, наверное, всегда было страшно в этих коридорах, но их ведь никто не спрашивает, чего они хотят и чего боятся.

Ближе к центральной части замка, где находился большой зал, окна стали побольше, хотя и располагались по-прежнему высоко. Но стало светлее и не так страшно. А потом повеяло теплом и запахом свежее испеченного хлеба – они приближались к кухне. Настроение Гильдебранды немного поднялось.

Она плотно позавтракала, чтобы восстановить пошатнувшиеся силы и отправилась в хозяйственный двор посмотреть, как чувствует себя родившийся только вчера жеребёнок, которого принесла её верная кобылка Лютфа. И мать, и её новорожденный чувствовали себя хорошо, и это порадовало девушку. Она перекинулась несколькими словами с

конюхом, приглядывающим за её кобылкой, и медленно пошла в сторону сада, уже украсившегося бутонами будущего цвета на плодовых деревьях. Здесь будет так красиво через недельку-другую. Мать очень любила их сад и проводила в нём много времени в хорошую погоду. Она не жаловала верховую езду, но очень чутко откликалась на красоту, любую – будь то человек, животное, дерево или цветок. В их саду цвели замечательные розы, удивительно пахнущий жасмин, но сейчас пробились только крокусы и нарциссы. Девушка задумчиво шла к любимой маминой скамье в глубине сада, и вдруг заметила движение на старой дороге, которой уже никто давно не пользовался, и она густо заросла по обочинам сорной травой. По этой дороге редко ходили, можно сказать, что и никогда. Но сейчас там был человек, и он приближался.

Гильдебранда притаилась за большим раскидистым деревом и замерла, всматриваясь в неожиданного путника. Вскоре она поняла, что это женщина, а ещё через несколько минут узнала Берту. Удивлению её не было границ. Что могла Берта делать в старом лесу, к которому вела дорога? Там нет поблизости никакого жилья, а в дикую заросшую густоту в такое время ходить просто незачем. Между тем, Берта приближалась, и лицо её становилось всё отчетливее. Женщина была необычно бледна, губы плотно сжаты, а в глазах горел огонь непреклонной решимости, которого раньше никогда никто не видел. Берта была всегда милой и приветливой, и очень мягкой. Девушка проводила её глазами и присела на

мамину скамью, глубоко задумавшись. Что, всё-таки, происходит?

Через некоторое время, выйдя из задумчивости, Гильдебранда двинулась в сторону дома и тут лицом к лицу столкнулась с неожиданно возникшей перед ней Бертой. Ей показалось, или действительно в выражении лица служанки мелькнуло что-то странное, а в глазах отразилось удивление?

– Вы уже встали, госпожа? – неуверенно проговорила она.

– А чему ты удивляешься, Берта? Сейчас не так и рано. И мне хотелось посмотреть, как чувствует себя наш новорожденный жеребёнок.

С языка девушки готово было сорваться множество вопросов к служанке, в том числе и куда и зачем она ходила так рано. Но она сдержала себя. Здравый смысл, унаследованный от отца, подсказывал ей, что нужно молчать и наблюдать. И какой-то внутренний голос, незнакомый ей прежде, гнал её обратно в опочивальню. Зачем? И вдруг она поняла – надо спрятать чашу от молока, чтобы никто её не увидел, в том числе и Берта. Не осознавая, почему и для чего она делает это, Гильдебранда быстро прошла в свои покои и убрала с глаз пустой сосуд.

– Скорей бы вернулся отец, – с отчаянием прошептала она, – мне так страшно. И я не могу доверять никому. Даже Берте после сегодняшнего утра. Никому.

Раньше она пошла бы в комнату брата и поделилась с ним своими тревогами. Но в последнее время, уже года два, Ли-

уфрида как подменили. Он стал раздражительным и даже злым. С ней говорил свысока и очень неохотно. Даже мама замечала, что с мальчиком что-то происходит, но относил это за счёт болезни, которая лишила его возможности ходить, и очень огорчалась. Рождение неполноценного наследника было для неё тяжёлым ударом. Отец успокаивал её, как мог, говорил, что они, любя друг друга, произведут на свет ещё много сыновей, но этого не случилось. После рождения дочери с графиней произошло что-то непонятное, и она больше не смогла понести, ни разу, какие бы горячие ночи любви не оставались позади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.